
Андрей ФУРСОВ

МИР, КОТОРЫЙ МЫ ПОКИДАЕМ,
МИР, В КОТОРЫЙ МЫ ВСТУПАЕМ,
И МИР МЕЖДУ НИМИ
Капитал(изм) и Модерн – схватка скелетов
над пропастью?

У КОНЦА ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

События одной из самых важных книг XX века – «Властелина колец» Джона Рональда Ройла Толкиена – происходят в конце Третьей эпохи Среднеземья. Эта метафора как нельзя лучше подходит к нашей нынешней ситуации, представляется ее символом. Мы оказались у конца Третьей эпохи. Концы нескольких эпох наложились друг на друга.

Для европейской цивилизации Современность (Модерн), в самом конце которой мы живем, в чем-то уже перейдя за ее грань, – Третья эпоха после Античности и Средневековья. Марксист может поменять эпохи на формации: рабовладение, феодализм, капитализм.

Если уменьшить масштаб до капиталистической системы, то мы получим три эпохи: Старый порядок 1600-х–1789 годов; «субстанциональный капитализм» «длинного» (до 1914 года) XIX века и «функциональный капитализм» с буйством функции капитала в виде авторитаризма, тоталитаризма и коммунизма, а также связанных с

ними движений и структур – этих «Колоссов Паники» «короткого» (до 1991 года, а точнее, до хронологической черты 1979–1991 годов) XX века.

В геоэкономической и геополитической плоскостях мы тоже получаем три эпохи соответственно трем циклам накопления капитала – голландскому, британскому и американскому – и трем гегемониям в мировой политике – голландской (пик – 1618–1652 годы), британской (1815–1871 годы), американской (с 1945 года и до затухания на наших глазах; причем нынешняя, «затухающая», гегемония – это гегемония США главным образом как кластера ТНК; гегемония США исключительно как государства закончилась в 1975 году).

Если перейти от истории капиталистической системы к русской истории, то и здесь мы увидим «три эпохи, три составные части», которые, кстати, четко коррелируют с циклами накопления/гегемониями Голландии, Великобритании и США и представляют собой, по сути, альтернативные циклы накопления, но не капитала, а власти и евразийской (гиперконтинентальной) гегемонии: Московское царство (московское самодержавие), Российская империя (петербургское самодержавие), СССР (исторический коммунизм). Советский коммунизм, являясь системным антикапитализмом в мировой системе, был реальным русским Модерном, реальной русской Современностью, конец которой совпал (могло ли быть иначе?) с концом Модерна в целом. Но, быть может, мы сгущаем краски? Действительно, о конце Модерна, о Постмодерне пишут уже несколько десятилетий, однако, возможно, это всего лишь пустые страхи, «шорох, больше ничего» (Эдгар По), особенно если учесть убожество того, что претендует на роль сменщика Модерна – Постмодернизма.

Тем не менее все больше людей со все большей остротой ощущают: в последние десятилетия с миром что-то произошло, что-то бесповоротно изменилось. Знакомый мир почти исчез. Наука об обществе изучает не столько сегодняшний мир, сколько – по инерции – мир вчерашний. Гуманитарное и обществоведческое образование представляет студенту в значительной степени картину того мира, который уже ушел. Мир меняется быстрее, чем наука в ее нынешнем состоянии способна это уловить. У данного разрыва – кстати, нарастающего – три причины.

Во-первых, мир действительно меняется с ускорением.

Во-вторых, в современном мире немало влиятельных и могущественных сил, заинтересованных в сокрытии сути и направленности происходящих в нем процессов и успешно камуфлирующих реальность.

В-третьих, хотя эпоха Модерна уже почти закончилась, мы до сих пор плохо представляем себе ее суть, только сейчас начиная кое-что уяснять. Чтобы понять суть новой эпохи или хотя бы приблизиться к пониманию того, что грядет, надо прежде всего определить, что уходит и почему, то есть определить базовые составляющие Модерна, эпоху его «прощального поклона», а заодно и «прощального поклона» капитализма.

Собственно, мы уже покинули старый мир, но еще не вступили в новый – сегодня мы живем между мирами, в *in-between-world*, как сказали бы англосаксы. Наблюдателю, историку социальных систем такая ситуация предоставляет фантастические возможности: еще не совсем ушло прошлое и уже видно будущее, их можно сочленять, фиксируя связь времен. У ситуации меж эпох есть еще один аспект, подмеченный Надеждой Мандельштам: «В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно проясняется, потому что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды. Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент почти всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого». Поймаем этот момент и посмотрим на будущее, учтя тенденции развития капсистемы в эпоху Модерна: ведь каждая новая система возникает как снятие противоречий прежней, как преемственность-через-разрыв. Новые системы не возникают путем простой филиации из старых. Современное (*modern*) общество и капсистема – не исключения, и многое в посткапиталистической, постсовременной системе можно понять из логики развития ее предшественницы.

Кому-то предложенный анализ может показаться тем, что Станислав Лем назвал «черновидением». В связи с этим у меня возникает вопрос: что лучше – готовиться к худшему или существовать в соответствии с «синдромом Сидония Аполлинария», римлянина, живше-

го накануне разрушения Рима варварами и тем не менее близоруко рисовавшего в своих письмах друзьям благостную картину жизни в канун гибели своей цивилизации. Думаю, что правилом должно быть римское же изречение – *praemonitus praemunitus* («кто предупрежден, тот вооружен»). Я буду рад ошибиться в своих прогнозах. В то же время именно ясное, без иллюзий, видение мира – мужество знать – есть необходимое условие мужества быть.

ИНДУСТРИЯ, СУБСТАНЦИЯ И ФУНКЦИЯ, ИЛИ КОЕ-ЧТО ОБ ИГЛЕ «КОЩЕЕВОЙ СМЕРТИ» КАПИТАЛИЗМА

Современное общество сложилось в 1789–1848 годах, в «эпоху революций» (Эрик Хобсбаум), а окончательный вид Модерн приобрел в «длинные пятидесятые» (1848–1867 годы), «зажатые» между «Манифестом Коммунистической партии» и европейской революцией 1848 года, с одной стороны, и первым томом «Капитала» и японской реставрацией Мэйдзи – с другой.

На этом фундаменте выросли такие его «составляющие», как индустриальная система производства, нация-государство, средний и рабочий классы (не говоря о прогрессистских идеологии и геокультуре в целом, науке об обществе, образовании).

Индустриальная система производительных сил (далее – ИСПС) сформировалась в 1780–1840-е годы в Великобритании, а затем во второй половине XIX века оформилась в Германии, Франции, России и США. По своей сути ИСПС означает господство искусственно созданных производительных сил над природными производительными силами (не путать с географическим фактором) и как следствие – овеществленного труда над живым. Именно последнее делает ненужным внеэкономический характер производственных отношений (отчуждение воли), превращая их в экономические, в обмен рабочей силы на капитал.

Весь Модерн – это эпоха постепенной индустриализации мировой системы, которая повлекла за собой соответствующие социальные и политические изменения и последствия.

ИСПС нуждалась не просто в многочисленном рабочем классе, но в рабочем классе, интегрированном в систему. В первой полови-

не XIX века низы, по сути, не были включены в систему, напротив, поляризация в обществе, его разъединение достигли опасной стадии, которую Бенджамин Дизраэли охарактеризовал как ситуацию «двух наций». Низы именовались не иначе как «опасными классами», и их интеграция в систему стала проблемой ее дальнейшего развития.

«Одомашнивание» опасных классов и включение их в систему в качестве трудящихся развивались по нескольким линиям: предоставление права голосовать, легализация профсоюзов и улучшение материального положения (чаще всего за счет эксплуатации колоний и полукolonий). Бесспорно, право голоса и организации усиливало позиции рабочего класса, но внутри системы и по ее правилам. Это продолжалось до 1970-х годов, когда начавшаяся научно-техническая революция (НТР) создала условия для изменения положения рабочего класса к худшему и, более того, сформировала материальную базу для завершения социогенетической программы капсистемы.

У каждой общественной системы есть свое социальное «тело», субстанция, обладающая некими функциями и атрибутами. Чем примитивнее социальная система, чем больше общество зависит от природы, чем больше природные факторы производства господствуют над искусственными, а живой труд – над овеществленным, как это происходит в докапиталистических обществах, тем более простыми и менее острыми являются эти противоречия, тем больше функция «утоплена» в субстанции, тем меньше ее автономия.

Субстанция – это прежде всего материальное производство в узком смысле слова (действительный процесс производства), те отношения, которые возникают непосредственно внутри него или непосредственно по его поводу, например в ходе распределения факторов производства (собственность).

Функция (или функции) – это те отношения, которые складываются не внутри субстанции и не непосредственно по ее поводу, а вне ее и опосредованно. Так, они могут опосредовать распределение факторов производства, то есть отношения по поводу субстанции, выступая их более или менее активным атрибутом. И чем сложнее, многосоставнее и совершеннее субстанция, тем больше функций, тем больше и очевиднее их несовпадение с ней, тем они автономнее. Функции – это управление («государство»), регуляция социального поведения («политика»), коммуникации. У функций свои структуры

и формы организации, как и у субстанции. Чем сложнее социальная система, тем менее абсолютна и непроходима грань между ее субстанциальными и функциональными аспектами. Особенно это проявляется в сфере производственных отношений.

Противоречие между социальными субстанцией и функцией (а также содержанием и формой) достигает максимальной остроты именно при капитализме, когда экономические отношения становятся системообразующими производственными, социальное насилие содержательно обособляется из сферы производственных отношений, превращаясь в государство (то есть state – не путать с патримониями), и возникают формы, регулирующие (в)неэкономические отношения индивидов и групп (политика). Кроме того, при капитализме функционально (но только функционально) снимается противоречие между отношениями производства и обмена. Эксплуатация осуществляется как обмен рабочей силы на овеществленный труд (капитал).

Функциональные качества производственных отношений при капитализме существенным образом отличают эту систему от докапиталистических. Производственные отношения рабовладельческого или феодального обществ, представляющие собой отчуждение воли трудящегося, то есть превращение его полностью или частично в говорящее орудие, в некую природную субстанцию, несут на себе большой субстанциальный отпечаток. Они сконструированы так и для того, чтобы функцию превращать в субстанцию, чтобы натурализовать общественные отношения по поводу присвоения природы. Капитализм, напротив, стартует с высокого уровня функционализации производственных отношений. Это его начало, а логическим концом должна быть (и может быть) только стремящаяся к полноте функционализация («дематериализация») производительных сил, по крайней мере их главных сегментов. Это соответствует функционализации как макрозакону развития производительных сил капитализма.

Итак, налицо, во-первых, факт несовпадения субстанции и функции в капсистеме; во-вторых, острейшее противоречие между ними как двигатель этой системы. Оно нарастало и обострялось по мере развития капитализма.

В последней трети XIX века ИСПС оформилась как таковая. Благодаря этому, а также в меньшей степени – подъему и растущей автономизации финансового капитала (победоносная

фаза – 1870–1920-е годы), резко обострившемуся в условиях упадка британской гегемонии государственно-политическому соперничеству на мировой арене, усилению социалистических движений (по сути, это три угла одного треугольника) потребовались развитие и автономное действие функциональных аспектов капитала до такой степени, что это выходило за рамки организации материального производства, превышало возможности существующих организационных форм как производства, так и политики, потребовало изменений в отношениях между ними.

Ни в то время, ни даже в рамках индустриального производства эти проблемы было невозможно решить на уровне организации самого производства. Здесь требовался прорыв в гипериндустриальный мир, но до этого оставался целый век. К тому же индустриальная система материального производства далеко еще не исчерпала свои технико-производственные возможности – у нее тоже был век в запасе. Исчерпалось другое: прежде всего – формы социальной организации и регуляции производственных и, что не менее, а быть может, и более важно, внепроизводственных процессов, возникшие в раннеиндустриальную эпоху и не соответствовавшие ситуации конца XIX века.

Нужны были новые формы социальной организации, которым требовалось решить двойную задачу: зафиксировать торжество функции капитала, не разрушая при этом систему, а, напротив, укрепляя ее и подавляя стихийные формы и движения, связанные с функцией. В реальности капсистемы – это авторитаризм (господство функции над субстанцией, государства над гражданским обществом в сфере политики) и тоталитаризм (то же господство, но уже не только в сфере политики, но также в идеологии и отчасти в экономике). Впрочем, решить двойную задачу, оставаясь в рамках капитализма, получалось не всегда – иногда одна часть решалась за счет другой, функция укреплялась за счет и посредством уничтожения субстанции, но это означало выход за рамки капитализма и создание коммунистического социума. В любом случае почти весь XX век функция капитала в своих положительных и отрицательных формах («Колоссы Паники») сотрясала капсистему с ее «материально-субстанциальными» производительными силами, и эти потрясения, помимо прочего, выступали мощнейшим двигателем развития капитализма. Все изменилось в эру НТР.

НТР – ТЕРМИНАТОР КАПИТАЛИЗМА?

В чем суть НТР, ее главный итог? В результате НТР «нематериальные», невещественные, то есть информационные факторы производства стали играть господствующую роль по отношению к вещественным в рамках материального производства. Разумеется, они не отменили ни само это производство, ни ИСПС, но изменили субординацию элементов, резко увеличив значение и стоимость «нематериального» по отношению к «материальному» и надстроив над индустриальной системой новую – не постиндустриальную, а гипериндустриальную. Сами производительные силы капитализма, точнее, их главный, определяющий элемент, утратили субстанциальный характер и стали «чистой функцией», «отражением материи». Произошла функционализация производительных сил, то есть субстанции. Противоречие субстанция–функция – базовое противоречие капитализма, его мотор, двигатель – по сути, снято или по меньшей мере затухает, оно выработано. Но вместе с ним не может не затухать и сам капитализм.

Вопреки Марксу, считавшему, что система гибнет тогда, когда максимально обостряются ее базовые противоречия (для него это было противоречие между производительными силами и производственными отношениями), система умирает тогда, когда затухает, вырабатывается ее базовое, системообразующее противоречие, когда она в своем развитии решает, снимает это противоречие и таким образом реализует свою социогенетическую программу. Обострение системных противоречий приводит к внутрисистемному, то есть структурному, кризису, когда на место одной структуры революционно-военным путем приходит новая структура. К системному кризису приводит затухание базового противоречия, которое, как правило, сопровождается не столько взрывом, сколько всхлипом – *vixerunt* («отжили», *лат.*).

Внешне выработанность капитализма как системы проявляется по-разному. Это и снижение мировой нормы прибыли, и кризис глобальной финансовой системы (приобретение финансовой системой глобального характера на основе революции в сфере коммуникаций), и кризис нации-государства, речь о котором пойдет ниже. Но есть один очевидный пример, демонстрирующий проблемы функционирования субстанции, индустриальных производительных сил и основанной на них экономики. Это кондратьевские циклы (волны).

Как известно, циклы эти стартовали в 1780-е годы. Каждый цикл длится 50–60 лет и делится на две волны – повышательную (А-Кондратьев) и понижательную (Б-Кондратьев). Первая волна – это подъем экономики, вторая – спад. Сам Николай Кондратьев в своем знаменитом докладе 1926 года «Большие циклы конъюнктуры» зафиксировал три волны: 1780–1844/1851 годов (с переломом в 1810–1817 годах), 1844/1851–1896 годов (с переломом в 1870–1875 годах) и начавшуюся в 1890 году (с переломом в 1914–1920 годах). В 1945 году начался новый цикл, повышательная волна которого окончилась в 1968/1973 годах, после чего начался спад, то есть понижательная волна. Ее окончания ожидали в 1990-е годы, но этого не произошло. Многих крайне негативных для капиталистической системы явлений удалось избежать за счет распада СССР, а затем, в 1990-е годы, – благодаря выкачиванию легальным и нелегальным путем средств из РФ. Однако даже в таких условиях кризисные явления продолжают нарастать, налицо сбой в циклах. В чем дело? Кондратьевская схема ошибочна?

Я думаю, дело в другом. Старт кондратьевских циклов не случайно зафиксирован в 1780-е годы – с началом промышленной революции и становлением ИСПС. Должны ли эти циклы сохраниться в гипериндустриальной экономике? Думаю, нет, и те аномалии, которые мы наблюдаем уже в течение двадцати лет, говорят о завершении этих циклов как следствии окончания индустриальной эпохи и – в силу выработанности в эпоху Модерна центрального противоречия капиталистической системы – близящемся конце последней. Можно сказать, что Современность устранила базовое противоречие капитализма как системы, и, пожалуй, с наибольшей очевидностью это проявилось в том, что происходит в последние десятилетия с феноменом государства вообще и нацией-государством в частности.

НАЦИЯ-ГОСУДАРСТВО – ТАЮЩИЙ СНЕГОВИК С ПОНИКШЕЙ МОРКОВКОЙ?

Государство (state) есть прежде всего сфера социального насилия, выделившаяся из производственных отношений. В докапиталистических обществах в силу того, что производственные отношения носят внеэкономический характер (отчуждаются природные факторы производс-

тва – тело человека, земля, а следовательно, его воля), социальное насилие встроено в производственные отношения. Никакого особого постоянного института для реализации социального насилия не нужно.

Ситуация стала меняться с разложением феодализма (не говоря уже о генезисе капитализма), когда производственные отношения стали экономическими (главное – не отчуждение воли, а присвоение рабочей силы путем обмена ее на овеществленный труд) и сами по себе перестали гарантировать социальный контроль, то есть социальное принуждение/насилие. В связи с этим возник запрос на орган или институт, который выполнял бы эту функцию. Потребность эта многократно возросла из-за социальных конфликтов, усиливавшихся давлением низов на верхи в течение последней четверти XIV – начала XVI века.

Первоначально государство и капитал были продуктами разложения феодализма и в постфеодальном, но еще не буржуазном обществе Старого порядка XVII–XVIII веков развивались как бы параллельно, хотя постепенно сближались. Связь между ними становилась теснее и прочнее и уже в форме полицейско-меркантилистского государства конца XVII – первой половины XVIII века оказалась весьма тесной. При этом довольно длительное время государство в его различных ранних формах (княжеской, монархической, территориальной, полицейско-меркантилистской) и связанные с ним господствующие группы доминировали над капиталом. Конец такому состоянию дел положила эпоха революций (1789–1848 годов), подорвавшая силы Старого порядка и выковавшая принципиально новый тип государства – государство-нацию, быстро превратившееся в нацию-государство.

Нация-государство должно было, помимо прочего, устранить ситуацию «двух наций», успешно (для верхов) интегрировать низы в новую социальную систему, а данную страну – в мировую систему, мировое разделение труда. Обе интеграции, о которых идет речь, должны были, сохранив социальный мир, проводиться в интересах капитала, буржуазии. Это не значит – в сиюминутных, краткосрочных интересах. Нередко государство жертвовало краткосрочными и частичными интересами в пользу средне- и долгосрочных и целостных. Но ведь в том-то и заключается функция буржуазного государства как нации-государства – быть комитетом **общих** дел буржуазии, как писали авторы «Манифеста Коммунистической партии».

Высшей формой нации-государства было welfare state (государство всеобщего благоденствия, более точный перевод – государство всеобщего социального обеспечения). Первые признаки welfare state просматриваются во Франции Наполеона III и Германии Бисмарка, однако подлинный расцвет государства-велфера наступил с окончанием Второй мировой войны.

В условиях бурного экономического роста буржуазное общество могло позволить себе способствовать росту благосостояния части среднего и рабочего классов, тем более что увеличение их доходов стимулировало рост спроса, который подстегивал производство. Но это всего лишь одна сторона дела – экономическая. Была и более важная – социально-экономическая, или даже системно-историческая, геоисторическая причина.

Военная угроза со стороны национал-социализма и в несравнимо большей степени системно-историческая угроза со стороны интернационал-социализма, то есть коммунизма, заставили западный капитализм трансформироваться в прогрессивном направлении. Буржуазное общество вынуждено было отклоняться от капиталистической логики намного дальше, чем этого могли потребовать экономические резоны, связанные с динамикой спроса и предложения.

Глобальная холодная война заставила капитализм ядра меняться. Экономическая, социальная и политическая демократизации буржуазного общества в 1945–1975 годах вопреки имманентным законам капитализма были обусловлены классовой борьбой, причем не столько внутрисистемной, сколько межсистемной. Сам факт существования мировой социалистической системы заставлял буржуинов идти на уступки своим среднему и рабочему классам, раскошелиться на велфер, прятать клыки, подобно волку из «Красной шапочки», максимально камуфлировать господство.

При этом западная верхушка смогла убедить многих в том, что демократический велферистый капитализм 1950–1970-х годов – это и есть буржуазная норма, а не вынужденное отступление от нее, так сказать, «квасисоциалистический НЭП» капитализма. И это был важный психоисторический успех западной верхушки, продолжавшей спекулировать на тематике демократизации и welfare state даже тогда, когда с середины 1970-х годов она приступила к его постепенному демонтажу, целенаправленному ослаблению демократических инс-

титутов и деполитизации общества. Это совпало с начинающимся кризисом нации-государства (и welfare state), который форсировал демонтажные меры.

Во-первых, на рубеже 1960–1970-х годов welfare state достигло предела своей эффективности в существующих экономических и социально-политических условиях. Его экономические институты начали пробуксовывать, в равной степени как и демократическая партийная политика, которая постепенно превращалась в замешенную на брокерстве и лоббизме административную систему. Профсоюзы все более интегрировались в систему и давили на нее в значительной степени в качестве особой группы интересов. Все это совпало с экономическим и социально-политическим кризисом.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х годов спала повышательная волна кондратьевского цикла и началась понижательная. В начале 1970 года США потряс жестокий финансовый кризис – результат войны во Вьетнаме. Наступил перелом в истории мировых финансов – возникновение впервые с 1894 года торгового дефицита в США, их отказ от Бреттон-Вудских соглашений, девальвация доллара, нефтяной кризис 1973–1979 годов, инфляция 1975–1976 годов, спад производства. В этих условиях начинается постепенный демонтаж welfare state как конкретной формы нации-государства. Но и у самого нации-государства как типа в 1970–1980-е годы начинают возникать проблемы. Уже в 1980-е в мире заговорили об упадке, ослаблении, «раستاивании», «проржавении» и т.п. нации-государства. Источником всех этих вполне реальных проблем явилась глобализация – прямое следствие НТР и косвенное – холодной войны, которая эту самую НТР обусловила и вызвала.

Глобализация – это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных факторов над вещественными в самом материальном производстве капитал превращается в электронный сигнал и оказывается свободным от всех ограничений локального и, самое главное, государственного уровня – пространственных, материальных, социальных, институциональных. «Все, что движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала, – пишет социолог Зигмунт Бауман, – практически свободно от ограничений, связанных с территорией, откуда он послан, в которую он послан или через которую он проходит». Глобализация – это

победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство).

С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. В таких условиях государство не может (хочет ли?) обеспечить благосостояние граждан. Многие государства, включая США, испытывают все больше трудностей в обеспечении стабильности своих бюджетов. Хронический дефицит бюджета и рост государственного долга существенно уменьшают возможности государства работать даже не на увеличение, а на поддержание благосостояния общества.

В нации-государстве, которое возникло как средство недопущения социального раскола на «две нации», тем более в welfare state, разрыв между средними и богатыми слоями сокращался. И это было одним из достижений. В 1980-е годы эту тенденцию стали ломать, и связано это во многом со средним классом, точнее, с теми проблемами, которые возникли с ним у верхушки капсистемы в 1970-е годы.

НЕДОЛГАЯ СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕГО КЛАССА

Возникнув в XIX веке, средний класс ядра капсистемы довольно долго вел скромную жизнь. Ситуация изменилась в послевоенный период (1945–1975 годы), который стал для среднего класса Запада «славным тридцатилетием» (Жан Фурастье), эпохой «жирных коров» и политического триумфа.

В послевоенный период (повышательная волна кондратьевского цикла, 1945–1968/1973 годы) резко, на порядки, увеличился «общественный пирог». Эта волна не только превзошла все предыдущие периоды экспансии мировой экономики (1780–1815, 1848–1873, 1896–1920 годы), но и весь предыдущий полуторавековой период ее развития: в 1945–1975 годах было произведено (в стоимостном измерении) такое же количество товаров и услуг, как за предыдущие 150 лет. В результате верхушка Запада получила такой «фонд», из которого теоретически можно было отстегнуть кое-что среднему классу и верхушке рабочего класса (в абсолютном измерении это «кое-что»

было весьма и весьма значительным). Однако теоретически – еще не значит практически.

Практическим императивом в экономике было стремление увеличить массовый спрос, а для этого требовалось хотя бы немного увеличить благосостояние этих самых масс, точнее, середины общества. Однако благосостояние возросло в немалой степени. Почему? Ведь капитализм – не филантропическая организация и просто так ничье благосостояние, тем более массовых слоев, увеличивать не станет. К этому «железную пята», капверхушку, побуждало наличие в мировой системе наряду с капитализмом системного антикапитализма – социалистического лагеря, СССР.

Само существование СССР, его бурное экономическое развитие, даже у западных политиков второй половины 1950–1960-х годов создававшее впечатление, что СССР обгонит США, эгалитарный социальный строй, наконец, способность материально поддерживать антикапиталистическое движение во всем мире, включая коммунистические, социалистические и рабочие партии на самом Западе, вынуждало капиталистов замирать свои рабочий и средний классы, откупаться от них. От рабочего класса – чтобы не бунтовал, от среднего класса – чтобы заинтересованно выполнял функцию социального буфера между буржуазией и пролетариатом.

Средством подкормки-замирения стало welfare state, которое посредством системы налогообложения перераспределяло часть средств (в абсолютном измерении весьма значительную) от буржуазии среднему и в меньшей степени – рабочему классам. В результате на Западе уже к середине 1960-х годов оформился многочисленный и довольно зажиточный средний класс, какого не было ни в одной другой социальной системе как в рамках западной цивилизации, так и за ее пределами. Само существование среднего класса («социалистической буржуазии») как системы в качестве признака-символа зрелого (перезревающего?) Модерна было обусловлено такими факторами, которые характерны только для капитализма только этой эпохи.

Во-первых, только в условиях индустриального капитализма с характерным для него городским строем жизни возможно создание такого богатства, «общественного пирога» такого размера и объема, частью которого верхушка в принципе может поделиться.

Во-вторых, только в условиях капсистемы с ее разделением на ядро (центр) и периферию, на метрополию и колонии/полуколонии, подвергающиеся жесткой эксплуатации, в условиях невиданного в иных – локальных – системах мирового разделения труда возможно увеличение «общественного пирога» ядра не только за счет самого ядра, но и за счет накопления капитала из внешних источников. При этом речь идет не просто о дани, а о систематическом изъятии прибавочного продукта в мировом масштабе. Собственно *raison d'être* капитализма существует до тех пор, пока есть внешние некапиталистические зоны, которые в случае необходимости можно превратить в капиталистическую периферию, то есть зону изъятия прибыли.

В-третьих, капитализм – единственная социальная система, которая может существовать одновременно со знаком «плюс» («положительный капитализм») и со знаком «минус» (системный антикапитализм, «отрицательный капитализм», «реальный социализм»). Наличие системного антикапитализма, хотя он и внеположен капитализму, на определенной стадии начинает деформировать, искажать капитализм, заставляет его развиваться не только по своей, но и по антикапиталистической логике, которая – парадоксальным образом на какое-то исторически непродолжительное время – позволяет решить проблемы капитализма, сглаживает его противоречия.

Вот это и есть «три источника, три составные части», или, если угодно, три кита, феномена среднего класса, его благосостояния. Причем главный из этих китов – третий, поскольку буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. *Welfare state* – это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом – в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР. В ходе холодной войны, глобального противостояния СССР, в схватке двух мировых проектов буржуины в страхе перед «тайным ходом», «по которому как у вас кликнул, так у нас откликаются», вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирать их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т.п.), рядиться в квазисоциалистические одежды.

К середине 1960-х годов средний класс Запада не только обрел экономическую мощь, но и стал серьезной политической силой, материализовавшейся в левых и левоцентристских партиях, что тоже не могло не беспокоить истеблишмент.

«Длинные 70-е», или Как сломался XX век

Начало 1970-х стало переломным во многих отношениях. Оценить значение «длинных 70-х» (1968–1983 годы) для истории XX века, Модерна и капитализма еще предстоит, равно как написать явную и тайную историю этого отрезка. Здесь я ограничусь тем, что непосредственно касается данной темы.

Во-первых, произошел ряд серьезных негативных изменений в экономике (об этом далее), и послевоенное процветание по восходящей стало заканчиваться.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х годов welfare state с его огромным бюрократическим аппаратом подошло к пределу своей административно-политической эффективности.

В-третьих, и это самое главное, разбухший средний класс стал слишком тяжелым бременем для капиталистической системы (даже в относительно благополучном ядре), и мировой экономический спад вкупе с неэффективностью и затратностью welfare state еще более обострял эту ситуацию. Численность среднего класса, помноженная на уровень его благосостояния, вышла за рамки того, что могла обеспечить капсистема без серьезных изменений своей природы и без дальнейшего существенного перераспределения в ущерб верхушке, без дальнейшей социализации капитализма. Не меньшую, а быть может, и большую угрозу для нее представляли и политические притязания среднего класса. В этой ситуации хозяева капсистемы прекратили отступление, перегруппировались и начали социальное контрнаступление. Идеино-теоретическим обоснованием этого контрнаступления стал крайне важный и откровенно циничный документ «Кризис демократии», написанный в 1975 году «тремя мудрецами» «трилатералов» – известными социологами и политологами Сэмюэлем Хантингтоном, Мишелем Крозье и Дзедзи Ватануки – по заказу созданной в 1973 году Трехсторонней комиссии («закулиса» нового типа, чьей

задачей в отношении СССР было в качестве «добротого следователя» душить его в объятиях и формировать в нем «пятую колонну»).

В докладе четко фиксировались угрозы правящему слою – прежде всего то, что против него начинают работать демократия и welfare state (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств, что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник – «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующемся высокой степенью (политического. – А.Ф.) участия». Эксперты рекомендовали способствовать росту невовлеченности (noninvolvement) масс в политику, развитию определенной апатии, умерить демократию исходя из того, что она лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный. В частности, в докладе говорилось: «Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (seniority), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти».

Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелегкой социальной и политической задачей. Кто был становым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? Средний класс и активная верхняя часть рабочего класса. По ним-то и был нанесен первый удар. В 1979 году в Великобритании и в 1981 году в США приходят к власти рыночные фундаменталисты Тэтчер и Рейган. На место отрядов «старой» буржуазии и бюрократии, связанных с государственно-монополистическим капитализмом (ГМК), приходит молодая хищная фракция корпоратократии, напрямую связанная с ТНК, боровшаяся за место под солнцем с 1940–1950-х годов и, наконец, добившаяся успеха (в немалой степени этому способствовало поражение США во Вьетнаме).

Главными задачами Тэтчер и Рейгана, этих первых политиков такого ранга от корпоратократии, были демонтаж части welfare state и наступление на средний и рабочий классы. Однако пока существовал СССР, «властелины колец» капсистемы не могли полностью развернуть такой курс. Отсюда – два следствия.

Первое – курс на резкое ослабление СССР (в 1989–1990 годах он сменился курсом на его расчленение и уничтожение); с этой целью СССР заманили в Афганистан, а далее последовал новый резкий виток холодной войны.

Второе – стремление добрать то, что нельзя было сразу отнять у средних классов ядра, у среднего класса периферии, уничтожив последний как класс. В 1980-е годы с помощью проведенных МВФ структурных экономических реформ в Латинской Америке был почти полностью уничтожен латиноамериканский средний класс, связанный с госсектором; досталось и среднему классу наиболее развитых стран Африки (например, Нигерии). Средства от экспроприации периферийных средних классов перекачивались на Запад, и это несколько тормозило наступление верхушки на западный средний класс. Когда в 1991 году СССР развалился, место холодной войны как формы управления миром заняла глобализация. Она полностью развязала руки «властелинам колец» капитализма и в то же время подвела сам капитализм и общество Модерна к последней черте, поскольку, как это ни парадоксально, коммунизм играл огромную стабилизирующую роль в функционировании капсистемы.

КРУШЕНИЕ КОММУНИЗМА – СТУК СУДЬБЫ В ДВЕРЬ КАПИТАЛИЗМА

В последние годы принято писать о кризисе коммунизма и марксизма и трактовать это как триумф капитализма. При манихейском взгляде на капитализм и коммунизм как абсолютно противоположные взаимоисключающие целостности так оно и получается. Ну а если связь капитализма и коммунизма как системного антикапитализма намного тоньше и хитрее и само существование коммунизма есть индикатор нормального состояния капсистемы на определенном этапе ее развития? В таком случае крушение коммунизма – «знак на стене» капсистемы, сигнал о ее надвигающемся упадке.

Коммунизм как совокупность идей существует почти два с половиной тысячелетия. Однако в качестве особой социально-экономической системы коммунизм материализовался только в капиталистическую эпоху. Исторический коммунизм («реальный коммунизм», «реальный социализм») – это только антикапитализм. В истории никогда не было таких систем, как антирабовладение и антифеодализм. Коммунизм как социальная система никогда не существовал как антифеодализм или антирабовладение. Таким образом, остается только одна эпоха, в которой исторически существовал (и мог существовать) коммунизм, – капиталистическая. И то не вся, а только ее зрелая, индустриальная фаза, что ограничивает реализацию коммунизма во времени, в истории определенным этапом развития капитализма.

Все это значит, что в самом капитализме как явлении, как мировой системе отношений производства есть нечто, наделяющее его очень специфической, присущей только ему одному, а потому загадочной и таинственной способностью выступать, реализовывать себя в двух различных социальных формах: положительной и отрицательной. Капитализм существует как некая двойная звезда, двойная масса – единство капиталистического и некапиталистического, более того, это *conditio sine qua non* его существования. Объективно прогресс капитализма – изживание некапиталистического, но в то же время это путь к системной гибели: нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистического сегмента. И постоянной борьбы с ним – это диалектика.

В XVII–XIX веках таким сегментом был постфеодальный до-капитализм Старого порядка. Сначала капитал использовал его как скорлупу, затем в XVIII веке вступил с ним в борьбу (Просвещение, Французская революция 1789–1799 годов), а в ходе мировой войны 1914–1918 годов разрушил его. Йозеф Шумпетер заметил по этому поводу: ломая таким образом то, что препятствовало его прогрессу, капитализм рушил и несущие конструкции, предохранявшие его от коллапса. Отчасти это верно, но, думаю, объективно устранялись те некапиталистические формы, которые были неадекватны новой эпохе, а на их месте возникали иные, более адекватные. Речь идет прежде всего о системном антикапитализме СССР, который стал следующей после Старого порядка стадийной формой (но уже «анти-», а не «до-») двойной массы для капитализма.

Выступая в качестве альтернативного глобального проекта (с середины 1950-х годов во все уменьшающейся степени) и существенно ограничивая масштаб действий капитализма в мире, исторический коммунизм в то же время решал для капитализма – главным образом косвенно, но в данном случае это не имеет значения – ряд задач. Это участие в мировой войне на стороне англосаксов, роль внешнего стимула для внутрикапиталистических трансформаций, совместный с капитализмом контроль над миром и стабилизация последнего посредством холодной войны и т.д.

Поддерживая левые партии в «первом мире» и национально-освободительное движение в третьем мире, СССР не позволял буржуинам раздавить их. В то же время, подчиняя эти движения своей логике противостояния капитализму – системной, а со второй половины 1950-х годов – во все большей мере государственно-геополитической, исторический коммунизм ограничивал, дисциплинировал эти движения, делая их более предсказуемыми и управляемыми. В результате по мере интеграции СССР и его господствующих групп в капсистему – интеграции, которая в конечном счете привела к крушению антисистемного капитализма, – СССР встраивал вместе с собой в капсистему периферийные «опасные классы», отчасти «одомашнивая» их на системный лад.

Правда, эта «доместикация» в мировом масштабе XX века часто оборачивалась для капитализма поражениями. Однако, во-первых, эти поражения при всем их значении и резонансе (например, Вьетнам 1975 года), как правило, носили локальный характер, а во-вторых, даже если поражения выходили за локальные рамки, хозяева капсистемы нередко довольно быстро извлекали уроки и использовали их для самотрансформации по принципу «за одного битого двух небитых дают». Так, победа СССР в холодной войне над Соединенными Штатами в 1975 году (Вьетнам, Хельсинки) существенно облегчила внутрикапиталистическую трансформацию и выход на первые роли в капсистеме корпоратократии («гипербуржуазии», «космократии» – Дени Дюкло) – молодой и хищной фракции мировой буржуазии, тесно связанной с ТНК.

Именно корпоратократия, которая начала свое восхождение в результате и после Второй мировой войны и которая впервые заявила о себе свержением правительства Мосаддыка в Иране в 1953 году, в 1980-е посадила своих президентов в Белый дом (Рейган, Буш), а в

1991 году нанесла поражение СССР как системе и как государству, обещав включить в свой состав по крайней мере часть номенклатуры, а другой выдать «бочку варенья да корзину печенья».

Триумф глобализации, первой жертвой которой стали системный антикапитализм и СССР, – это триумф корпоратократии. Глобализация позволила капитализму корпоратократии – «турбокапитализму» (Лутвак) – отчасти решить многие из тех задач по стабилизации системы, которые раньше решались с помощью системного антикапитализма. Или, напротив, решать те задачи, которые раньше мешало решать само существование СССР. Например, наличие ядерного оружия у системного антикапитализма вообще ставило под вопрос и крупномасштабную (мировую) войну, и, как показали революционные войны в Китае, Вьетнаме, Алжире, на Кубе, победу капцентра над более слабой периферией даже в локальной войне. Глобализация, помимо прочего, решила и эту проблему, и не только потому, что устранила СССР, а потому, что, создав глобальный рынок финансовых капиталов, полностью гарантировала победу ядра над периферией невоенными методами – вплоть до ее экономического уничтожения, как это произошло, например, с Аргентиной, и превращения в *finished country* – «конченую страну».

Однако – *every acquisition is a loss and every loss is an acquisition* («любое приобретение – это потеря, и любая потеря – это приобретение», *англ.*) – решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капсистемы, глобализация создала неразрешимые долгосрочные, толкающие капитализм (именно потому, что он «турбо») к краю пропасти – и довольно быстро.

Как уже говорилось, нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон. Каждый раз, когда происходило очередное циклическое снижение мировой прибыли, капсистема отвечала на нее экспансией и превращением внешней некапзоны в капиталистическую периферию с дешевой рабочей силой и новыми рынками сбыта (насильственное создание колоний и полуколоний) – и так до следующего раза. Уже в конце XIX века весь мир оказался поделен, и в XX веке колониальная экспансия сменилась экспансией в зоне самого ядра – динамика капитализма в первой половине XX века (точнее, в 1871–1945 годы) приобрела главным образом военный характер. Мировые англосаксонско-германские войны за гегемонию в капсистеме

(война наций 1914–1918 годов и война масс 1939–1945 годов), помимо прочего, уничтожили огромную массу вещественной субстанции, капитала, создавая, таким образом, чистый лист для развития капитала и роста прибыли в самом ядре, и обусловили беспрецедентный экономический рост мировой экономики (особенно Японии, Германии и Италии) в «славное тридцатилетие» 1945–1975 годов.

К концу 1960-х произошло полное восстановление потерпевших поражение во Второй мировой войне Германии и Японии, и ядро почти гомогенизировалось – без практических возможностей новых войн в нем из-за наличия нового гегемона (США) и необходимости сохранения «единого фронта» («блока») перед лицом СССР. Ну а войны с полупериферией и периферией, во-первых, были дорогостоящим мероприятием, в том числе и из-за наличия СССР, способного всерьез помочь слабым мира сего; во-вторых, многого из того, что ранее обеспечивалось военным способом, теперь можно было добиться финансово-экономическими методами (то, что в СССР называли «неоколониализмом» и «неоимпериализмом»), просто экономическим терроризмом, механика которого великолепно изложена профессиональным экономическим киллером Джоном Перкинсом в книге «Исповедь экономического убийцы».

Глобализация замирила ядро, устранила системный антикапитализм и, по сути, подавила возможности борьбы периферийных обществ за лучшее положение в мировой системе, за лучшие сделочные позиции по отношению к ядру, то есть глобализация победоносно решила те проблемы, над которыми весь XX век бился капитализм. Однако за победой скрывалась пустота – решив трудноразрешимые среднесрочные проблемы капитализма, глобализация создала неразрешимые долгосрочные, и в результате положение капсистемы на рубеже XX–XXI веков оказалось намного хуже, чем на рубеже XIX–XX веков: цейтнот и цугцванг одновременно с перспективой новой войны – только уже социальной – верхов против низов и средних слоев в самом ядре. Собственно, война эта уже началась. Почему и как? Очень просто.

Как уже говорилось, нормальное функционирование капитализма требует наличия некапиталистических зон, за которые и с которыми он борется. В конце XX века капитализм эти зоны «победил» – глобализация устранила их, сделав весь мир капиталистическим. Но это значит, что теперь процесс снижения мировой прибыли грозит стать

перманентным. Мировая «железная пята» оказалась перед выбором: либо утрата значительной части прибыли, привилегий и, возможно, власти, либо переход от экстенсива к интенсиву, то есть главным образом к внутренним источникам извлечения прибыли и накопления, к интенсификации внутрикапиталистической эксплуатации в самом ядре и его анклавах во всем мире.

На пути такой «смены вех» стоит очень многое. Это формально-демократические институты буржуазного ядра капсистемы, гражданское общество, нация-государство, «универсальные ценности» и многие другие завоевания низших и средних классов эпохи 1830/1840–1960/1970-х годов. По сути, на пути трансформации, о которой идет речь, – сам капитализм как система в целом, от которой, получается, и должен освободиться капитал, что его верхушка и начала делать с 1980-х.

Вопреки расхожему мнению капитализм как система не сводится к чистому и безграничному торжеству капитала. Капитал существовал до капитализма и будет существовать после него. Капитализм (ядра) – сложная система экономических, социальных и политических институтов, ограничивающая капитал в его же собственных долгосрочных интересах, не позволяющая ему охватить, сожрать все и сразу – в том числе самого себя. Совокупный капиталист есть капитал, ограниченный нацией-государством, гражданским обществом и квазидемократическими политическими институтами. Освобождение капитала (рынка) от этих институтов выгодно капиталу, но разрушительно для капитализма. Когда-то в интересах капитала оказалось создание капиталистической системы (а в интересах господствующих групп – превращение в буржуазию, а точнее, в «совокупного капиталиста», нередко против своей воли). Нет ничего удивительного в том, что в определенный момент интересы капитала потребуют (уже потребовали) демонтажа капитализма – только так господствующие группы могут сохранить свои привилегии и власть, трансформировав капитал в иные формы господства, а капитализм – в иную систему.

Внешняя экспансия капитала (а капитализм и был системой государственно-политической организации внешней, мировой экспансии капитала) окончилась: капитализм охватил планету в целом, а потому в этом плане больше не нужен. Он не может не только обеспечить рост прибыли, но и остановить процесс ее снижения. Поэтому

широкомасштабное наступление на демократические институты, ослабление публично-правовой сферы, вырождение политики в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, «растаяние» (fading away) нации-государства при усилении (глобального) рынка финансовых капиталов есть не что иное, как отчасти стихийный, а в еще большей степени направляемый (хотя, возможно, до сих пор не целиком проектно-сознательный) процесс демонтажа капитализма. Устраните все преграды на пути капитализма, дайте ему полностью реализовать себя в мировом масштабе, позвольте ему стать глобальным – и вы уничтожите его.

Та часть мировой верхушки, в том числе и американские неоконны, которая устраняет все, что ограничивает капитал и реализацию интересов США как кластера ТНК, разрушает капитализм намного быстрее и результативнее, чем левые движения XX века, которые на самом деле, тормозя самореализацию капитала, в конечном счете в большей степени укрепляли его, отсрочивали его конец. Глобализация – вот игла «Кощеевой смерти» капитализма. Однако «финализация» капитализма – процесс вовсе не стихийный, демонтаж этой системы – процесс сознательный. Я готов пойти еще дальше и утверждать: крушение коммунизма в СССР совпало с началом демонтажа капитализма как системы западной верхушкой. Более того, это две стороны одной медали – кризиса и падения капиталистического мира, борьбы, ведущейся между верхушкой и средним классом, за то, кто кого исключит из будущего посткапиталистического мира, на чьих костях он будет построен.

На первый взгляд тезис о демонтаже капитализма может показаться парадоксальным – хозяева системы, «властелины ее колец», сами же ее и демонтируют? А почему бы и нет, если это единственный способ сохранить привилегии и богатство перед лицом вызова со стороны среднего класса и других сил капсистемы, сохранить власть в условиях уменьшения ресурсов планеты и увеличения ее населения. История западной цивилизации знает такой системный трансгресс, который стихийно осуществили представители господствующих групп, чтобы сохранить власть, привилегии и богатство, не утратить их по отношению к низам. Речь идет о кризисе «длинного XVI века» (период 1453–1648 годов) (подробнее об этом ниже).

Карл Маркс и Макс Вебер ошиблись в оценке этого периода как телеологически раннебуржуазного, ну а многие либералы и марксисты

ты XIX–XX веков концептуально фальсифицировали «раннюю современность», представив ее как «эпоху ранних буржуазных революций» (еще один миф: никаких буржуазных революций в истории, строго говоря, вообще не было и быть не могло). В отличие от демонтажа феодализма демонтаж капитализма – процесс главным образом не стихийный, и ведется он на вполне научной основе: тысячи научных центров во всем мире работают на нынешнюю «железную пяту», являясь ее интеллектуальной услугой. Условной датой начала демонтажа капитализма можно считать 1975 год (доклад «Кризис демократии»). По сути, вся деятельность корпоратократии после 1975 года – это в значительной степени реализация идей доклада и последовавших за ним разработок «фабрик мысли», обслуживающих «железную пяту».

Крушение СССР устранило тот фактор, который препятствовал полномасштабному наступлению «железной пяты» на средний класс ядра, – теперь уже не надо никого замирать, можно разбойничать как на международной арене (Югославия, Ирак), так и внутри страны. Да и инструмент появился соответствующий – корпорация-государство.

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Корпорация-государство (далее – КГ) есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, то есть направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного пирога» до фактического исключения из реальной жизни).

Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальной экономике, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть. Государство начинает вести себя как корпорация, в которой все определяется экономической эффективностью («выживает сильнейший»)

и «ничего личного»), обусловленной двойной логикой: развития самой капсистемы в эпоху позднего Модерна и в еще большей степени – противостояния соцсистеме. Уход последней подвел черту под welfare state, как и предсказывали проницательные аналитики. Однако им, по-видимому, и в голову не могло прийти, что вместе с формой будет демонтироваться-разрушаться и содержание nation-state, поскольку nation перестает быть как формой организации производства, так и формой политической организации для мировой борьбы за гегемонию. А потому место nation-state, за которым уходят политика и гражданское общество (adieu, политология и социология), занимает corporation-state. Причем быстрее этот процесс идет не в ядре, а на полупериферии и периферии капсистемы: «язычник, страдающий от язв христианства» – так ситуации подобного рода называл Маркс.

КГ ни в коем случае нельзя путать с корпоративным государством типа фашистской Италии или национал-социалистической Германии. Последние суть классические велферовские формы государства, социальные государства, жесткие межвоенные диктатуры средних классов – в противоположность послевоенной мягкой диктатуре средних классов. Если главной задачей нации-государства (и конкретно welfare state) было включение «в себя» всего населения, то главной задачей КГ – государства постнационального и постсоциального (в идеально-типической тенденции – асоциального) является, напротив, исключение из реальной государственности всего экономически нерентабельного, непригодного в качестве объектов первичной (производители) и вторичной (потребители) эксплуатации. КГ – это своеобразная политико-экономическая «бритва Оккама», отсекающая от «общественного пирога» все лишнее и ненужное для гипербуржуазии/корпоратократии, которая приватизирует совокупный процесс общественного производства в целом и дробит его на энное число клановых «паек».

КГ есть такой административно-экономический комплекс, который:

– оставаясь формально госаппаратом, играет самостоятельную и определяющую роль в данной стране в качестве политической (властной) корпорации;

– ставит политико-экономические национальные интересы этой страны в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпорационных) или по крайней мере рассматривает первые сквозь призму вторых;

– приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказывается от выполнения большей части характерных для государства социальных обязательств и функций (или резко сокращает их).

КГ есть десоциализированное (в «идеале» – вплоть до асоциальности) и денационализированное (приватизированное) рыночно-репрессивное государство, которое при дальнейшей эволюции через несколько десятков лет неизбежно должно будет полностью сбросить государственные характеристики, в результате чего перестанет быть государством и превратится в жестко иерархизированную патримонию на клановой основе. Внутренний принцип организации корпорации-государства – клан. Именно клан, а не физический индивид, как в нации-государстве, есть базовая социальная единица корпорации-государства: индивиды «здесь не ходят».

В КГ от государственности остаются минимальный контроль над границами и территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способного вызвать протест и массовые волнения. Как заметил один из лидеров мексиканских крестьян в Чьяпасе, «в кабаре глобализации государство начинает заниматься стриптизом, и в конце представления на нем остается только то, что является крайней необходимостью, – репрессивная мощь. <...> У новых хозяев мира нет потребности непосредственно править миром. От их имени административная задача возложена на плечи национальных правительств». При этом последние, конечно же, по сути, перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций.

Разумеется, данный случай характерен для слабых государств Юга. Более сильные государства того же Юга сами превращаются в государства-корпорации (корпорации-государства): если страна небольшая, то речь идет об одной корпорации, если побольше, то о нескольких. Например, в Колумбии это «государство» – два наркокартеля (Калийский и Медельинский) и отчасти FARC. Процессы формирования КГ идут повсюду – в США, России, Индии, Индонезии, Китае, Бразилии и др. В этих крупных государствах ввиду их размеров, численности населения, мощной и высокоразвитой культуры,

исторических традиций и претензий на статус если не великой, то региональной державы процесс «корпоратизации» государства будет особенно острым, противоречивым, конфликтным и чреватым серьезнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и на Севере. Так, США – это не только и не столько государство, сколько Глобамерика – матрица американских ТНК, с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире КГ.

Помимо магистрального пути формирования КГ (через государство) есть и побочно-встречные процессы: снизу-вверх и, так сказать, сбоку. На примере корпорации Льва Леваева это показал в работе «Алмазы Аллаха» Сергей Горяинов. Если для прежних корпораций политика была средством, то для корпораций нового типа, стремящихся к превращению в квазигосударство, она и вообще власть – это цель. «Корпорация Леваева, – считает Горяинов, – идеально вписывается в глобалистскую модель. Ее можно считать даже своеобразным эталоном, одной из первых реализованных структур, на которых будет держаться новый мировой порядок».

В КГ стремятся превратиться террористические организации, криминальные синдикаты, кое-где – вышедшие из-под центрального контроля спецслужбы. В результате если международная (Вестфальская) организация государств (а в XIX–XX веках – наций-государств) находится в легальном пространстве, в зоне права, то международная сеть КГ расположена в легально-внезаконной сфере, в «зоне неправы» (Эдуар Балладюр, премьер-министр Франции в 1993–1995 годах). Сеть КГ – это мировая паутина с большим числом крупных, средних и мелких властно-экономических пауков, у которых одновременно два лика – легальный и внезаконный (криминальный).

В этом плане КГ намного более адекватна глобализации и ее миру, чем нация-государство. Современная глобальная экономика, по крайней мере в главных ее сферах (торговля оружием, нефтью, драгметаллами, наркотрафик, проституция и порнобизнес), есть, по преимуществу, глобальная криминальная экономика, нормальное функционирование которой построено на нарушении государственных и международных законов – то есть того, на чем стоит нация-государство. Поэтому КГ есть, по сути, корпорационно-криминальное (криминально-корпорационное) государство. Вплоть до того, что в определенных зонах мира криминальные характеристики начинают

доминировать. «Государство-бандит» – так называет государство в ряде африканских стран Майкл Шацберг в замечательной работе «Диалектика угнетения в Заире». Корпоратизация и криминализация нации-государства – две стороны одной медали, два взаимоусиливающих и взаимоспонсирующих процесса.

Криминальные средства и структуры, «криминальные революции» (вроде советско-российской 1988–1998 годов) – очень сильные и эффективные средства корпоратизации государства (не говоря уже о первоначальном накоплении капитала) там, где легальных экономических средств и механизмов для этого не хватает или просто нет. Нужно только «слегка» помочь. Помимо прочего, разгромить в виде цепи реорганизаций правоохранительные органы, превратив их... правильно, в силовую (криминально-силовую) структуру. Впрочем, силовая – это уже не правовая структура, а персонификатор «силового предпринимательства».

КГ находится не только «по ту сторону добра и зла», но и «по ту сторону закона и преступления». Это принципиально новый (постбуржуазный и постцивилизационный одновременно?) феномен не только с точки зрения государственности, но также с точки зрения экономики, права и морали. В КГ, которое является средством создания социального ада и одновременно адаптации к нему, отбирается и определенный социальный, антропологический тип, определенный человеческий материал.

В современном мире немало примеров внеlegalизации государства как одного из средств превращения его в КГ и этатизации криминала. Так, Запад создал в Косово террористическо-мафиозное государство албанцев, которое вступило в борьбу, с одной стороны, с сытыми нациями-государствами Евросоюза, с другой – с крупнейшими старыми мафиями Европы (в 2007 году крупнейшие мафии Италии – «Коза Ностра», «Ндрангета» и «Коморра» – начали переговоры о создании единого картеля по борьбе с албанской мафией, которая на самом деле не мафия, а криминальная форма КГ, для которой нации-государства и старые мафии – реликты, с которыми следует разделаться). Это криминально-корпорационное государство проникает и за океан – с 2001 года в Нью-Йорке развивается мафиозная сеть этнических албанцев с символическим названием «Корпорация».

У криминальных структур, спецслужб и создаваемых последними «армий Нового мирового беспорядка» (Владимир Овчинский) воз-

никает комплекс общих интересов, который антагонистичен таковым нации-государства и другим институтам эпохи Модерна – политическим, экономическим, общесоциальным (гражданское общество), культурным.

Все сказанное не значит, что нация-государство уже исчезло, процесс формирования КГ далек от завершения. Конфликты новой эпохи в течение какого-то времени будут продолжаться в старой форме и под старыми знаменами, и только когда последние обветшают, а новые агенты окончательно встанут на ноги, наступит *brave new world* корпораций-государств и актуализируется задача избавления от государства вообще. Именно в этом направлении, противоположном тому, в котором развивались структуры власти в Западной Европе с «длинного XVI века» (1453–1648 годы), развивается сейчас государство, миновавшее свой пик – форму и фазу нации-государства.

Когда-то Баррингтон Мур заметил, что революции вопреки Марксу чаще возникают не из победного клича восходящих классов, но из предсмертного рева тех слоев, над которыми вот-вот сомкнутся волны прогресса. Старые средние и рабочие классы, превращающиеся в локалов, – вот один из резервуаров сопротивления. Есть и иные.

В любом случае КГ с ее денационализацией и десоциализацией не может не порождать нечто вроде социал-национализма в качестве своего социального антитезиса. В этом антитезисе стираются характерные для эпохи Модерна (1789–1991 годов) противоречия между левыми и правыми; он способен объединить в рамках «реакционного прогрессизма» всех, кому не улыбается стать сырьем для корпораций-государств и их мира с Глобамерикой в качестве матрицы.

Мир XXI века выстраивается как иерархия корпораций нового типа, различных по происхождению, но одинаковых по сути. Происходящее сегодня внешне весьма напоминает финальные века существования Римской империи и первые Темные века Европы (V–VIII века), с одной стороны, и финал Средневековья (1300–1440-е годы) и вторые Темные века Европы (1450–1640-е годы), с другой стороны, то есть эпохи без государства. По сути, КГ есть воля государства к смерти и средство перехода от государственных к постгосударственным, безгосударственным формам власти, к миру без государства, к миру, в котором немало «серых зон» и где властвуют теневые, тайные структуры.

ТЕНЬ, КОТОРАЯ ПЕРЕСТАЛА ЗНАТЬ СВОЕ МЕСТО

КГ соответствует не только глобализации, но и развивавшемуся по нарастающей в XIX–XX веках (качественный скачок – 1871–1933 годы) процессу тенефикации реальной власти в капсистеме, формированию того, что не вполне адекватно назвали «мировой закулисой». Национально-государство не очень удачно сопрягалось с «закулисой», КГ – это то, что нужно последней. Но, повторю, это итог и финал развития властной системы капитализма в эпоху Модерна.

История капитализма и Модерна неотделима от тайных обществ, и это диктуется спецификой политэкономии капитализма. Здесь несколько аспектов и причин.

Во-первых, капитализм как экономическая система имеет мировой, наднациональный характер, а формально-политическая организация капсистемы – национально-государственный характер. Поскольку товарные потоки постоянно нарушают государственные границы, буржуазия остро нуждается в наднациональных политических (или политико-экономических) организациях, особенно по мере развития с конца XVIII века финансового капитала. Готовых и естественных организаций такого уровня не было. Поэтому использовалось то, что было, – масонские, еврейские общинные организации и т.п. И «закулиса» в XIX веке наполнялась иным, чем прежде, содержанием и начала развиваться в соответствии с законами и логикой капитализма и, в свою очередь, набрасывать свою тень на всю организацию власти капитализма в его ядре. Уже Бенджамин Дизраэли писал, что «миром управляют оккультные силы и их тайные общества».

Во-вторых, по мере политической легализации антисистемных движений, по мере квазидемократизации общества, по мере того, как политика в буржуазном обществе становилась все более публичной, возрастала роль тайной политики, превращающейся в тайную власть. Реальная политика, реальная власть все более становились тайными, теневыми. И чем больше людей получали избирательные права и возможности формального участия в политической жизни, тем больше открытая политическая жизнь превращалась в театр, шоу, балаган, тем больше реальная власть приобретала конспиративный характер, превращалась в конспиро-структуру (далее – К-структуру). Параллельно развивался аналогичный процесс в эконо-

мике, где в тень все больше уходил финансовый капитал, который в 1870–1930-е годы занял ведущие позиции не только в экономике, но и в определении политики. Союзы финансистов и политиков именно в этот период начали уже не просто создавать свои тайные структуры, но придавать им квазиинституциональный характер. Пример – К-структура, созданная Сесилом Родсом, Уильямом Стэдом и Реджинальдом Бреттом, группа Альфреда Милнера и др. Тайная власть, теневая политика, заговор – обратная, «темная» сторона демократии, публичности, легализации антисистемных движений, короче – «темная сторона» Модерна.

В-третьих, еще более усиливал и эту власть, и тенденцию к ее развитию тот факт, что социально-экономические процессы становились все более сложными, протекали со все большей скоростью, а эпоха 1870–1940-х годов – эпоха борьбы за гегемонию, войн и революций – предъявляла все более жесткие требования к быстроте и точности решений. Невероятно усилила тайный характер власти, власти-тени, холодная война.

По самой своей природе К-структуры были идеальными агентами и орудиями холодной войны. Именно они стали инкубатором для формирования исторически новой фракции буржуазии – корпоратократии, – которая набирала силу в 1950–1970-е годы, а на рубеже 1970–1980-х годов посадила своих представителей в Уайтхолл и Белый дом. Власть корпоратократии, которая с 1980-х годов развернула наступление на СССР, средний и рабочий классы и приступила к демонтажу квазидемократических социально-политических институтов капитализма (нация-государство, партии, гражданское общество), – это уже главным образом тайная власть, власть тайных организаций. Глобализация, выросшая из холодной войны и занявшая ее место в качестве новой формы организации управления миром, похоже, окончательно перевесила чашу весов в пользу К-структур.

КГ – это, конечно же, в большей степени К-структура, чем легальная структура. Криминализация мировой экономики, а вслед за ней – ряда сегментов социальной жизни, характерная для эпохи глобализации, есть причина и одновременно стимул дальнейшего развития К-структур, теневой власти. На закате Современности корпоратократия в своем демонтаже капитализма имеет двойное качественное преимущество над объективно противостоящими ей социальными слоями: в

отличие от них она действует на глобальном уровне, а они – на национальном; она действует в тени, а они – на свету.

Таким образом, глобализация как торжество корпоратократии есть в то же время торжество теневых форм власти над явными, легальными, а ведь наличие именно последних отличало капитализм от других систем. Сегодня это уже в прошлом. Разумеется, существует некий фасад, сцена, на которой кривляются президенты и премьер-министры, но, как пел Александр Галич, «это, рыжий, все на публику». В своем конце Модерн и капитализм пришли к таким формам организации власти, против которых они боролись в своем начале. Только сегодня эти тайные структуры ни по мощи, ни по размаху, ни по конспирологичности несопоставимы с позднефеодальными. И очевидно, что будущее, по крайней мере ближайшее будущее, станет полем игры К-структур различного уровня.

КРИЗИС БИБЛЕЙСКОГО ПРОЕКТА

В силу социальной природы капитализма и его глобального масштаба кризис этой системы становится своеобразным спусковым крючком, каскадным явлением, которые запускают кризисный механизм, далеко выходящий не просто за капиталистические, но вообще за социосистемные рамки. Капитализм максимально обострил все дремавшие до его появления противоречия этой цивилизации – как внутренние, так и с другими цивилизациями. И хотя «Столкновение цивилизаций» Хантингтона есть типичный «концептуальный вирус», главная задача которого – отвлечь внимание от реальных противоречий, у кризиса капитализма есть мощный цивилизационный аспект, причем тройной: кризис европейской цивилизации; кризис неевропейских цивилизаций, обусловленный воздействием на них капитализма, прежде всего его структур повседневности и массовой культуры; кризис земной – из-за глобального характера капитализма – цивилизации в целом.

В кризисе европейской цивилизации помимо заката высокой культуры и изменения самого европейского человеческого материала в XX веке необходимо отметить прежде всего кризис христианства. Последнее почти мертво. Протестантизм, похоже, подменив

Бога Книгой, почти превратился в неоиудаизм, и у него нет иммунитета ни к иудаизму, ни к либерализму. Системный кризис капитализма совпал с кризисом светских версий библейского проекта и с исчерпанием этого проекта в целом.

Свое квинтэссенциальное выражение комбинация кризисов капитализма и европейской цивилизации (а в ней – христианства) находит в кризисе (или завершении) библейского проекта. Любая социальная система – это система иерархии и контроля, то есть решение простой проблемы: как держать в узде маленького человека и каким образом для решения этой задачи контролировать поведение верхов и их отношения с низами. В течение почти двух тысячелетий христианство как форма социально-церковной организации, использовав протестно-эмансипаторский проект Иисуса Христа и одновременно приглушив его (идейно – с помощью Ветхого Завета, организационно – с помощью Церкви) и трансформировав в библейский, обеспечивало идейно-религиозные основания иерархии и контроля сначала в Средиземноморье, а затем в Европе (с Россией – в Евразии) и Америке. Тесно связанная с христианством еще одна авраамическая религия – ислам, – с одной стороны, выполнила функцию библейского проекта для более отсталых зон региона, а с другой – была продолжением предыдущего, древнеегипетского, проекта, который успешно действовал в течение тысячелетий и пиком которого стала Римская империя.

Библейский проект начал давать сбои довольно рано – начиная с откола Рима (католицизма) от православия в политических целях и борьбы между папой и императором; ну а частичная национализация и частичная иудаизация христианства в мутации протестантизма означали начало глубокого кризиса. В последние два столетия роль реализации библейского проекта вообще пришлось взять на себя светским идеологиям прогрессистского типа – либерализму и коммунизму, причем коммунизм оказался таким же системным ограничением Марковского проекта, как библейский – христианского со всеми вытекающими отсюда последствиями. Системный кризис капитализма совпал с кризисом светских версий библейского проекта и с исчерпанием этого проекта в целом. То, что работало в поздней Античности (то есть вплоть до империи Карла Великого), в Средневековье, хуже – во времена Старого порядка, перестало работать в Новое время. На по-

вестке дня – создание нового контрольно-организующего проекта. Только с его помощью – при прочих равных условиях – можно будет вправить «вывихнутый век», преодолеть кризис. Двойной вопрос в том, кто предложит такой проект – верхи или низы – и кто его использует в своих интересах.

Уже сейчас видны попытки подобного проектирования – менее сознательные и в большей степени религиозные у низов, более сознательные и в большей степени светские у верхов. Радикальный ислам в мусульманском мире и пятидесятничество в Латинской Америке, приобретающее черты если не отдельной от христианства религии, то чего-то похожего, – вот очередные «утопии», если пользоваться термином Карла Мангейма. Со стороны верхов это проект американских неоконцов («глобофашизм»), призванный углубить и законсервировать навечно социально-экономическую поляризацию позднекапиталистического общества («20:80») и перенести эту, по сути, кастеизированную форму в посткапиталистический мир.

Весьма символично, что многие неоконцы – это бывшие леваки, а некоторые – просто троцкисты, прошедшие «правую» школу Лео Штрауса и начитавшиеся Платона. Надо помнить, что из трех проектов, порожденных субъектной ветвью исторического (Античность–феодализм–капитализм) процесса, два были протестно-эмансипаторскими – Христос и Маркс, а один, самый первый, Платона, – консервативным, а в чем-то даже реставрационно-реакционным. Впрочем, оба эмансипаторских проекта были довольно быстро присвоены определенными социальными силами и организациями и стали использоваться совсем в иных целях, чем те, что планировали их «генеральные конструкторы»; тем не менее эмансипаторский потенциал в них сохранился, и это противоречие стало центральным и для библейского, и для коммунистического проектов.

Кастово-аристократический проект Платона был реакцией на кризис и упадок полисного строя, крушение (а отчасти сознательный демонтаж) полисной демократии. Реакция Платона – остановить, подморозить социальные изменения с помощью жесткой консервации социальной структуры, его иерархизации. Проект Платона в целом не реализовался, античный мир выходил из кризиса на основе римского (модификация древнеегипетского; попытка не удалась) и Христо-

ва (превращенного в библейский – классическая нейтрализующая трансформация протестно-эмансипаторского проекта в контрольно-иерархический; попытка удалась). Однако некоторые элементы платоновского проекта в снятом виде были использованы как в библейском, так и в коммунистическом проектах.

Многое из платоновского проекта сегодня явно ко двору позднекапиталистической «железной пяте», организующей в мировом масштабе пересортировку-выбраковку человечества в условиях кризиса/демонтажа буржуазной демократии, а также политики и государственности, чем и занималась последние десятилетия корпоратократия и ее наднациональные структуры и клубы. Именно корпоратократия довела до логического конца библейский проект, глобализировав его (трагифарсовый финал проекта – американская авантюра в Ираке, на Ближнем Востоке, проект финиширует там, откуда стартовал) и превратив американскую республику в «неоимперию» (Чалмерс Джонсон).

Однако, выводя капитализм на финишную прямую, глобализация оказывается пирровой победой корпоратократии – по-видимому, последней, «гипербуржуазной» стадияльно-исторической фракцией буржуазии. Корпоратократия «заточена» под внешнюю экспансию, под глобальный экстенсив. Глобализация была одновременно ее социальной заточкой, орудием и целью. Теперь цель достигнута, и вопрос стоит так: годится ли корпоратократия как слой для перевода социально-экономических стрелок с внешнего контура на внутренний, с эксплуатации и экономического уничтожения Юга на внутрисеверную эксплуатацию, где, кстати, ей противостоят все те же выходцы с Юга, только в отличие от белого социального атомизированного населения организованные в общины и кланы и способные ответить на давление власти и, в свою очередь, давить как на нее, так и на белое население. Или же она будет всячески тормозить этот процесс? Ответ на этот вопрос или по крайней мере намеки на него мы получим, наблюдая прежде всего борьбу за власть в американской верхушке. И, разумеется, необходимо учитывать воздействие на этот процесс того, что Чалмерс Джонсон назвал «отдачей» (blowback), – то есть реакции мира на полувековое давление на него со стороны США (ср. с ситуацией Римской империи после Траяна).

Итак, что же мы видим? Благодаря функционализации/«дематериализации» (или «дереификации») наиболее важных элементов производительных сил затухает базовое метафизическое противоречие капитализма – между субстанцией и функцией, – которое определяет физические, является их матрицей. Вместе с ним затухает капитализм, охвативший весь мир и сам охваченный азартом самопожирания. Ему бы спеть (по Владимиру Высоцкому) «чуть помедленнее, кони», но он мчится, подобно гоголевской тройке, только в ней не Россия, а капитализм – перемена участи.

Индустриальная система подошла к своему производственному пределу (о демографическом и экологическом аспектах я уже не говорю; кроме того, в данной статье я не затрагиваю проблему ресурсов). При этом не индустриальная, а гипериндустриальная система задает тон, но парадоксальным образом – поскольку капсистема стала глобальной, у гипериндустриального производства нет рынков сбыта. В упадок приходят структуры и массовые слои, связанные с индустриальной системой производства, – нация-государство, средний и рабочий классы. Для них, а следовательно, и для системы в целом, наступил конец прогресса. А это означает кризис прогрессистских идеологий либерализма и марксизма, кризис идеологии и геокультуры Просвещения, науки и особенно образования – оно разрушается отчасти стихийно, отчасти сознательно. Болонская система ставит крест на университете как феномене Модерна.

За последние полвека (холодная война, глобализация) реальная власть из публично-легальной сферы сместилась в закулисно-нелегальную, тайную. Корпоратократия и КГ активно используют К-структуры в демонтаже капитализма, отсекая от «общественного пирога» все большую часть населения. Все это подводит черту под эпохой Модерна и под капитализмом. Однако обещает ли эта черта светлое будущее хозяевам современного мира? Отнюдь нет. Начав демонтаж капитализма, они отворили Кладезь Бездны, разбудили такое лихо, такие силы, которые могут смести их. Как? Прежде чем отвечать на этот вопрос, имеет смысл взглянуть в прошлое – на макросоциальные кризисы прошлого, точнее, на исторические типы системных кризисов, которых (типов) было не так много – три. И похоже, все они – наше ближайшее будущее. Так сказать, наше все.

ТРИ КРИЗИСА

Первый тип кризиса – это кризис позднего феодализма, кризис «длинного XVI века» (1453–1648 годов). В середине XIV века по Европе пронеслась эпидемия чумы, выкосившая 20 миллионов из ее 60-миллионного населения. В результате «сделочная» позиция крестьянина по отношению к феодалу резко усилилась – рабочих рук стало не хватать. В течение 30–40 лет сеньоры пытались силовым способом вернуть прежнее положение вещей, снова приводя «подлую чернь» к покорности. Ответ не заставил себя ждать долго. В 1378–1382 годах прокатываются восстания «белых колпаков» во Франции, Уота Тайлера – в Англии, чомпи – во Флоренции. По сути, это была народная антифеодальная революция, надломившая хребет феодализму и его господствующему слою. Под давлением крестьян и бюргеров сеньоры оказались в ситуации, когда впереди маячила угроза утраты статуса, привилегий, части богатства и превращения в лучшем случае в верхушку крестьянского или бюргерского рая. Альтернатива – уступить часть привилегий традиционному противнику, то есть центральной власти, королю. Это было меньшим злом, и оно-то и было выбрано.

В результате в XV веке начинают появляться централизованные структуры весьма репрессивного типа – «новые монархии» (Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии), которые начинают не только ограничивать знать, но и давить низы. Возникает государство – state (точнее, lo stato – этот термин запустил Макиавелли), которое оказалось социальным оружием двойного назначения: королевской власти против знати и королевской власти и знати – против низов. С возникновением государства совпали открытие Америки и как следствие – оформление нового международного разделения труда, от которого выиграли верхи, и военная революция. Все это резко изменило социальную ситуацию – началось наступление верхов на низы. В ходе этого наступления, в основе которого лежали формирование нового международного разделения труда (североатлантическая мир-система) и военная революция, экс-сеньоры превратились частично в постфеодальную знать небуржуазного типа, частично в протобуржуазию. То есть в системообразующие элементы особого строя в истории Европы – Старого порядка, который не являлся ни феодальным, ни буржуазным, а потому оказался пропущенным в либеральных и марксистских теориях (а точнее, мифологиях) истории.

Способом формирования этого порядка стали религиозные войны, черту под которыми подвели Тридцатилетняя война (1618–1648 годов) и Вестфальский мир (1648 года). Как показывают исследования, 80–90% семей, которые контролировали Европу в 1453 году, в 1648 году сохранили свою власть. Таким образом, в ходе кризиса «длинного XVI века» позднефеодальная верхушка осуществила успешный системный трансгресс, транслировав, перенеся себя в будущее и сохранив привилегии и богатство посредством создания новой системы. Естественно, это не был сознательный проект, работали социальные инстинкты, но работали они в верном направлении. Позднефеодальная верхушка не позволила низам снести себя и обрушила на них новую систему. В последней она заняла место «капиталистической» (в смысле – связанной с мировым рынком) знати, а позднее – в первой половине XIX века – отчасти трансформировалась в буржуазию, отчасти уступила ей место, слившись с ней.

Второй тип кризиса – позднеантичный. Если сеньорам (феодалам) удалось сохранить власть, создав новую систему и превратившись в аристократию североатлантической мир-системы и «капиталистов против своей воли» (Лахман), то позднеантичные господствующие группы были сметены (вместе с их системой и цивилизацией) двойным ударом того, что Арнольд Тойнби назвал бы союзом «внутреннего и внешнего пролетариата». Если сеньоры, грубо говоря, поставили внешнюю среду себе на службу, то прогнившую позднеантичную верхушку смела именно внешняя среда: античная периферия («деревня») успешно окружила и затопила античный центр («город»). Здесь налицо комбинация внутреннего (падение эффективности экономики, распад социальных связей, деградация правящей элиты, упадок ее культурной гегемонии, варваризация общества, демографический кризис) и внешнего – Великое переселение народов – кризисов.

Варвары уничтожили внутренне уже варваризировавшийся мир. При этом масса варваров была фактически выкормлена римлянами на границах – для них были созданы удивительно благоприятные в демографическом плане условия! Племена германцев селились в порубежье с разрешения Рима (таким образом, он избегал войн с ними), получали статус «федератов» (союзников) и пользовались плодами имперской культуры, переходя к более производительному сельскому хозяйству. И бурно размножались. За несколько веков такой политики

варвары усилились и обрушились на Рим, уничтожив высокоразвитую культуру и на много веков погрузив тогдашнюю Европу во тьму невежества и раздробленности. Позднеантичный кризис – это кризис без будущего или кризис с сильно отложенным будущим: уровня развития античного общества I–II веков Европа достигла в XI–XIII веках, а по ряду показателей – лишь в XVI–XVII веках.

Третий тип кризиса – самый страшный, наиболее продолжительный – это кризис верхнего палеолита. Он начался примерно 25 тысяч лет назад и закончился за 10–8 тысяч лет до н.э. так называемой неолитической революцией, то есть продолжался около 15 тысяч лет, 150 веков, – это не пять первых «темных веков» Европы (V–IX века) или три века второго «темновековья» (середина XIV – середина XVII веков). Кризис верхнего палеолита был кризисом присваивающего хозяйства – прежде всего специализированной охоты на крупного зверя, которая обеспечивала высокий уровень избыточного продукта, а следовательно, значительный демографический рост. В какой-то момент численность населения и ресурсы пришли в противоречие, и начался кризис – экономический, демографический, экологический, социальный, то есть тотальный системный кризис, который усугублялся ухудшением природно-климатических условий. Результат – уменьшение населения на 75–85%, социальная деградация, примитивизация искусства, 150 веков жесточайшей борьбы людей за выживание – с природой и другими людьми. Переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству – произошел не от хорошей жизни, то была адаптация к условиям кризиса. В результате этой адаптации возник мир, в котором мы до сих пор живем и который, по-видимому, заканчивает свое существование на наших глазах.

XXI ВЕК – «КРИЗИС-МАТРЕШКА», ИЛИ ЗАКАТ ЗАПАДА В «ЛУНКУ ИСТОРИИ»

Если попытаться соотнести системный кризис, в который вползает капитализм, с кризисами прошлого, то получается неутешительная картина: глобальный кризис несет в себе характеристики всех трех названных выше кризисов в «одном пакете», это «кризис-матрешка», или, если угодно, «кризис-домино», где один тип кризиса автоматически тянет за собой другой, включая всю цепь.

Как мы помним, позднефеодальный кризис – это демонтаж существующей системы в интересах господствующих групп. Если согласиться с тем, что с середины 1970-х годов по нарастающей идет демонтаж капитализма в интересах его господствующих групп, то мы получаем аналогию с кризисом «длинного XVI века». С той лишь разницей, что нынешнее глобальное «восстание элит» в отличие от «североатлантического» в XVI веке происходит на научной основе, его реализуют на основе разработок многочисленных «фабрик мысли» и т.п. Суть – та же. С одним существенно важным отличием: кризис XVI века был внутренним европейским кризисом, в котором периферия – варварская, то есть стоящая на более низком уровне, – практически никак не участвовала, не угрожала обществу, и именно это отсутствие внешней угрозы во многом и обусловило успех. (По сути, этой периферии не было – Запад сам был в это время периферией.)

Нынешняя ситуация – иная. Глобальная система делится на ядро (Север, «неоимперию») и периферию (Юг, зону «неоварварства»). Как почти две тысячи лет назад это произошло в Римской империи, когда Рим стимулировал демографический рост варваров, селившихся по периметру его границ, Запад в XX веке спровоцировал мировой демографический взрыв, а точнее, демографический взрыв на периферии. И огромную часть этой выросшей огромной социобиомассы сегодня не просто отсекают от «общественного пирога», но вообще выталкивают из социальной жизни. Я имею в виду так называемых трущобных людей, численность которых достигла миллиарда человек.

Трущобные «города» становятся главными конурбациями во многих странах Юга. Это – зоны бедности и самовоспроизводящегося социального распада. Как заметил социолог Майкл Дэвис, «брутальная тектоника неолиберальной глобализации после 1978 года аналогична катастрофическому процессу, впервые создавшему “третий мир” в период поздневикторианского капитализма (1870–1900 годы)», только сегодня ситуация намного хуже и безнадежнее: эпоха крестьянских войн и национально-освободительных движений позади, впереди – намного более страшные конфликты социально дезорганизованного населения, трущобного люда, с социально дезорганизованным.

Согласно прогнозам, между 2030 и 2040 годами численность Slumland’a достигнет 2 миллиардов (при численности населения планеты 8 миллиардов). По мнению специалистов, ни экологически, ни

социально-экономически, ни психологически такой численности, такой концентрации, такой обездоленности и отверженности мир трущоб выдержать не сможет и его обитатели выплеснутся во внешний мир, устремившись туда, «где чисто и светло». И это будет похлеще Великого переселения народов V–VII веков. Трущобники начнут штурмовать сначала более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая «государства-тампоны», – Европу, Северную Америку и, по-видимому, Россию. Здесь они пойдут уже проторенным в XX веке путем мигрантов с Юга. Более того, выходцы с Юга на Севере – а согласно прогнозу, в 2020–2030 годах они составят 30–40% населения крупнейших городов Севера, то есть его «андеркласс», – оказываются объективными союзниками новых волн мигрантов из Slumland'a. Перед нами – смычка «внутреннего пролетариата» и «внешнего пролетариата», направленная против социально организованного населения Севера.

Здесь есть еще один очень важный аспект. Основная масса населения Юга (включая мир трущоб), с одной стороны, и «южного» сегмента Севера, с другой стороны, – это молодые люди. В вышедшей недавно книге «Сыновья и мировое господство: роль терроризма в подъеме и падении наций» Гуннар Гейнсон пишет о том, что демографический провал наступает тогда, когда в популяции – менее 80 мальчиков на 100 мужчин возраста 40–44 лет. Это ситуация Западной Европы (например, в Германии – 50 на 100, то есть демографический провал). На Юге ситуация диаметрально противоположная: в секторе Газа (Палестина) это соотношение 464 на 100, в Афганистане – 403 на 100, в Сомали – 364 на 100, в Ираке – 354 на 100. Ясно, что Юг – это демографическое будущее мира: с 1900 по 2000 год население исламского мира выросло со 150 миллионов до 1200 миллионов – 800% роста; Китая – с 400 миллионов до 1200 миллионов – 300% роста; Индии – с 250 миллионов до 1000 миллионов – 400% роста. И, повторю, огромную часть этой биомассы составляет молодежь. И на Севере основная масса выходцев с Юга – молодежь. А ведь хорошо известно, что, как только численность молодежи в обществе достигает 25–30%, происходит взрыв насилия. Джон Голдстоун хорошо показал это в своем исследовании Реформации и крестьянской войны в Германии XVI века, но сюда же относятся Французская революция 1789–1799 годов, практически все революции XX века. Миграция «южан» на Север – это миграция в первую очередь молодежи.

Таким образом, в самом ядре капсистемы мы имеем, с одной стороны, сытое, белое, атомизированное христианское (формально, поскольку нынешний Запад – это уже во многом не только постзападное, но и постхристианское общество, которому «толерантность» и «политкорректность» не позволяют защищать свою культуру и свои ценности как от своих «меньшинств», так и от чуждых внешних сил) население главным образом пожилого и среднего возраста, с другой – голодное, чувствующее себя обделенным и отверженным, цветное, общинно- или кланово-организованное, чаще всего мусульманское, молодое, с явным вкусом к насилию и криминалу население.

Исход противостояния в целом ясен, даже без вторжения трущобников. О перспективах белых европейцев писатель Сергей Хелемендик говорит: «Они уже закончили свое существование в истории, их уже нет. Пока они сидят в своих банках и считают хрустящие бумажки, их улицами овладели заторможенные от многовекового пещерного инцеста албанцы, счастливые от возможности разбавить наконец свою не в меру густую кровь». При этом нужно помнить, что мигранты с Юга часто организованы не только клановым образом, но и криминальным, что еще более обостряет ситуацию, усиливает тенденции неоварваризации и неоархаизации.

Таким образом, уже сейчас видно, что попытка западных элит провести трансгресс по типу «длинного XVI века» не увенчается успехом – кризис позднефеодального типа плавно, но необратимо перетекает в кризис позднеантичного типа, и почти одновременно с «восстанием элит» в ядре капсистемы и ее периферийных анклавов начинается восстание низов, грозящее перерасти либо в глобальную социальную революцию (если найдут союзников в социально более высоких группах), либо в глобальный бунт. Это та серьезная проблема, которую придется решать мировой «закулисе», и уже сейчас ясно, что ни сокращение населения Юга и вообще бедноты «эволюционным» (программы планирования семьи) или «революционным» (от насильственной стерилизации до штучек вроде СПИДа) путем, ни попытки решить вопрос с помощью управляемого хаоса, натравив мусульман на Россию, Китай или – менее вероятно – Индию, результата не дадут.

Тем более что кризис позднеантичного типа тянет за собой еще один – типа верхнепалеолитического. Капитализм в отличие от феодализма и рабовладения не локальная, а мировая (сегодня – уже

глобальная) система, и системный кризис такого социума может быть только глобальным и тотальным, охватывая экологию, демографию и т.д. и превращая социальный системный кризис в кризис, как это уже было в конце верхнего палеолита, отношений Общества и Природы, в кризис биосферы и рода *Homo sapiens*. Капитализм в его нынешнем состоянии несовместим с нормальным функционированием биосферы. И хотя многие экологические страшилки проплачены заинтересованными ТНК и не имеют отношения к реальности, ситуация весьма серьезна.

«Кризиса-матрешки» не избежать – мы уже в нем. Но надо постараться сократить его и «темные века», которые последуют за ним, и пройти оба периода с минимальными потерями для рода человеческого, общества и культуры, поскольку кризис, о котором идет речь, предполагает целый ряд серьезнейших потерь, несопоставимых с потерями, сопровождавшими позднефеодальный и позднеантичный кризисы. Ближайшая аналогия – верхнепалеолитический кризис, но нынешняя ситуация намного опаснее: огромное по численности население; запасы страшного смертоносного оружия, которые объективно доступны небольшим группам и даже одиночкам; скопившаяся социальная ненависть, завязанная тугим узлом с расовой, национальной, конфессиональной. «То-то сейчас рванет!»

ТРИ ВЗРЫВА, ТРИ ПРОБЛЕМЫ XXI ВЕКА

Первый взрыв связан с численностью населения: разрушительные возможности человечества растут вместе с созидательными, заметил Станислав Лем, а иногда обгоняют их. Верхнепалеолитический кризис уничтожил 75–85% населения. Нынешний – объективно – должен снять нынешнее демографическое давление на ресурсы планеты, на биосферу, это может оказаться до 90% населения (7 миллиардов из 8 миллиардов). Но даже если показатель глобальной «чистки», «пересортировки» и «выбраковки» человечества окажется ниже, результаты сокращения численности с помощью тех видов оружия массового поражения, которые имеются, могут наложить на популяцию такой отпечаток, нанести такой удар по генофонду, который обусловит ее психофизическое вырождение, то есть вырождение человека как вида.

Второй взрыв – всеобщая, глобальная криминализация. Социальные кризисы, тем более системные, всегда сопровождаются ломкой социальных правил – нарастает криминализация. Как минимум это означает, что старое общество начинает умирать – его механизмы контроля не срабатывают, как максимум – начинает возникать новое общество, причем в криминальной, асоциальной форме. Значительная часть населения планеты сможет – и будет – «вырываться из социального ада» (Фернан Бродель) трансгресса, сбившись в стаи. Итак, размывание границ нормальной жизни, асоциализация посткризисного социума – вот еще один потенциальный взрыв XXI века.

Третий взрыв связан вот с чем. В периоды острых социальных кризисов социальное приглушается и резко возрастает роль того, что называют биологической составляющей в поведении человека. На самом деле, строго говоря, речь должна идти не столько о биологизации социальных процессов (хотя внешне дело нередко выглядит так), сколько о выходе на первый план дочеловеческих форм социальности («несоциальных животных не бывает» – «правило Эспинаса»), зоосоциальности. Кризисные эпохи – это эпохи повышенной зоосоциальности, когда в человеке, в обществе словно выстреливает дочеловеческое прошлое.

В разные эпохи в человеке по-разному соотносятся социальное и биологическое, зоосоциальное (дочеловеческая социальность) и социальность собственно человеческая. В кризисные, революционные эпохи из закоулков человеиника, как черт из табакерки, выскакивают хищные, асоциальные особи. «Социальная революция устраивается не “социальными низами”, а биологическими подонками человечества», – писал Иван Солоневич. Разумеется, революция – более сложный процесс, чем выброс зоосоциальности, но в целом Солоневич зафиксировал очень важную черту, которую можно заметить во всех революциях – от французской (это замечательно показал Ипполит Тэн) до русских, коммунистической 1917 года и антикоммунистической 1991 года.

Конечно же, сам выброс «биологии», зоосоциальности, в кризисные эпохи происходит по социальным законам; другое дело, что реализуются эти законы по-разному в нормальные и кризисные эпохи и реализуют их особи с разным соотношением антропосоциального и зоосоциального («биологического»). Время кризисов – это время

главным образом людей-рептилий, *гомозавров*. Это не метафора, а фиксация реальности, связанная с исторической структурой человеческого мозга. В середине 1990-х годов я писал об этом в «Колоколах Истории», поэтому здесь повторю вкратце.

Согласно Полу Маклину, морфологически самая старая часть мозга – Р-комплекс (рептильный мозг), доставшийся нам в наследство от рептилий – первых существ, у которых количество информации в мозгу превышает количество таковой в генах. Следующая эволюционная система, наслаивающаяся на рептильный мозг и заключающая его в себя по принципу матрешки, – лимбический мозг, он является достижением млекопитающих. И наконец, неокортекс – новая кора, являющаяся человеческим, «слишком человеческим», вкладом. Между тремя мозговыми структурами существует некое разделение труда. Неокортекс отвечает за специфически человеческие (волевые, целеполагающие) усилия, включая использование знаков, предвидение событий, сопереживание и ряд других функций. Лимбическая система, в глубине которой находится гипофиз, генерирует яркие эмоции, связанные с радостью открытия нового (творчество), с эстетическим восприятием мира, с альтруистическим поведением, восприятием вкуса, творчеством. Наконец, рептильный мозг играет важную роль в агрессивном, ритуальном и территориальном поведении, в установлении групповой иерархии, в том числе через половое поведение (контроль над самками, управление доступом к ним) и контроль над территорией. Здесь нет обратных связей, чаще всего имеет место бесстрастное осуществление любого поведения, диктуемого либо одним из полушарий, либо генами, инстинктами.

Разумеется, нет таких людей, у которых действовал бы только один из трех мозгов, – работают все, но с разной силой, а потому соотношение мозгов, их иерархия-субординация, у разных людей разная. Люди с доминированием Р-комплекса – гомозавры.

Одна из главных задач социальной системы – обеспечить «неокортексное» поведение человеческих особей и проконтролировать, чтобы в социальные отношения, особенно в производственные, не прорвалось социальное поведение рептильного типа в его чистом, непосредственно-природном виде (опосредованно оно воплощено во многих социальных институтах и практиках). В нормальные

эпохи общество в целом справляется с этой задачей. Однако в эпохи кризисов и революций, когда «век вывихнут», а нормы и институты ломаются, происходит прорыв рептильного типа, его массовый выход на историческую сцену – привет из палеозоя.

Хищники разного калибра, сволочь в строгом смысле этого слова, – вот ударная сила любой революции, любого кризиса. В послекризисные эпохи значительную часть гомозавров отстреливают, им на смену приходят хищники помельче – воры (яркие примеры – Директория во Франции, послесталинская вороватая номенклатура в СССР), социальная жизнь становится менее опасной и более системной и ограничивает рептильное поведение.

Глобальный кризис, в который вползает капсистема, вызовет глобальный выброс гомозавров с их биологией и зоосоциальностью на всех уровнях – сверху донизу – и резко увеличит их роль, а следовательно, роль биосоциальности в социальных процессах. Многие черты этого процесса уже видны по изменившемуся экстерьеру киногероев (привет из каменного века), рекламе демонстративно асоциального поведения на ТВ, агрессивным формам гомосексуализма и феминизма.

Итак, глобальный кризис вполне может поставить на повестку дня вопрос о роде *Ното*. Поскольку кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), в его условиях встанет вопрос о сокращении численности населения – вопрос если не биосоциальный, то социобиологический. *Ното* уже проходил это во время верхнепалеолитического кризиса, и «прошел» (с огромными потерями) за 15–20 тысяч лет. Тогда, однако, кризис носил суммарно-локальный, а не глобальный характер; не было единого планетарного человечества; Земля не была напичкана атомными станциями, предприятиями с вредным производством, ядерным, биологическим, химическим и иным оружием. Впрочем, как показывает пример хуту и тутси, региональный геноцид вполне можно устроить с помощью обычного оружия, вооружив АКМ 12–14-летних детей.

Финал глобального кризиса капитализма (особенно в условиях прогнозируемого геологами на вторую половину XXI века усиления геологической активности, вероятности изменения наклона земной оси, наступления нового ледникового периода, только теперь уже не

малого, и т.п.) вообще может оказаться схваткой *Homo* и биосферы, а внутри самого *Homo* – *Homo sapiens* и *Homo robustus* – по принципу «кто кого». Для того чтобы пройти кризис, нужна принципиально новая философия отношений с природой, мы должны заново осмыслить, а не просто переосмыслить (*unthink*, а не *rethink*) не только геокультуру Просвещения, но также христианство со средневековой теологией вкупе и античную философию, стартовав от ее отцов-основателей другим интеллектуальным путем – с учетом всех или почти всех сделанных в субъектном потоке исторического развития за последние 25 веков интеллектуальных и политических ошибок. Новая философия должна быть хотя и альтернативно-европейской, но европейской, а не заимствованием у буддизма, индуизма или конфуцианства: «вечный покой – для седых пирамид», нам же нужен прометеевско-фаустовский дух горения – на том стоим и не можем иначе.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед «кризисом-матрешкой», аналогов которому не было и который, похоже, сметет не только капитализм с его сторонниками и противниками, но всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 миллиарда, пережить его, то новый социум, скорее всего, будет отличаться от Цивилизации (Мира Пирамид – в том смысле, что египетские пирамиды – главный символ всей посленеолитической эпохи) не меньше, чем она отличалась от палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны, но это выходит за рамки данной статьи.

Кризис, в который вполз позднекапиталистический мир (для нас, подобно язычникам, страдающим от язв христианства, этот позднекапиталистический кризис начался крушением советского антикапитализма), имеет объективный характер. Реальная задача – пройти его с минимальными потерями и как можно быстрее, не дав ему растянуться на тысячелетия, а сократив до полутора-двух веков. Вспоминается азимовская «Академия» (Foundation), где, согласно математику Селдону, крушения галактической империи в силу его объективного характера нельзя было избежать, но можно было сократить кризисные «темные века» с тридцати тысяч лет до одной. Конечно, фантастика – это фантастика, а реальность – это реальность, но в нашей жизни они тесно переплетаются – и чем дальше, тем больше.

НОВАЯ ЭТИКА И НОВОЕ ЗНАНИЕ – ЩИТ И МЕЧ ПРОТИВ «ЦИВИЛИЗАЦИИ» МЕНЯЛ

Что можно противопоставить кризису, к которому привела этика менял и ростовщиков с их вульгарным материализмом и возведенным в ранг высшей ценности удачным гешефтом? Прежде всего новую этику – кшатрийско-брахманскую, этику воинов и священников. Во всех других социумах, кроме западноевропейского, традиционная аристократия умело вытрапливала социальную гниль, гасила ее рост. В Европе в XVII–XVIII веках аристократия, обработанная протестантизмом, а затем Просвещением, сама оказалась зараженной «новыми ценностями» и не смогла сопротивляться сначала вкрадчивой, а затем все более наглой поступи «цивилизации ссудного процента».

Новая этика требует определенных условий. Достаточное условие – властная воля принципиально новой мировой элиты, «заточенной» именно под коллективное прохождение кризиса. Кто-то скажет: появление такой элиты – фантастика. А появление сталинской элиты как единственного средства суверенного выживания России и русских в мире XX века – это не фантастика?

Однако помимо достаточного условия – воли – есть необходимое – разум, знание. Нам нужно принципиально новое по содержанию и по-новому организованное знание о современном мире как целом и как о совокупности элементов (включая Россию). Нам нужно знание о верхах и о низах современного мира, о криминальной, по сути, глобальной экономике, о «проектных» формах манипуляции историческим процессом и о многом другом. Современная западная наука об обществе, триада «экономика – социология – политическая наука», отражающая реалии уходящего мира и не способная не только объяснить, но даже адекватно описать переломный мир, – это такой же импотент, каким был советский истмат, а возможно, и хуже. Я уже не говорю о том, что нейтрального знания нет, что нынешняя наука об обществе (как СМИ, кино и т.п.) отражает интересы корпоратократии и их «шестерок» во всем мире и во всех сферах – от власти до науки.

Выход из кризиса предполагает создание нового знания, принципиально новых дисциплин (или эпистемологических программ), с новыми методологиями и новыми предметами исследования. Нам предстоит в короткий срок (время не ждет) разработать адекватную

теорию капитализма как частный случай теории социальных систем, методологически построенной на отрицании прежде всего наследия буржуазного XIX века – триады «экономика – социология – политическая наука»; это тот путь критики политической экономии, которым двинулся Маркс в работе над «Капиталом» и который он так и не прошел до конца, а марксисты, за редчайшими и не делающими погоды исключениями, вообще с него свернули.

На основе этой теории нам предстоит переосмыслить многое в вопросе о соотношении субъекта и системы, «проектно-сознательного» и «естественного» в истории, прежде всего – в ее переломные эпохи, когда проект, решения и действия небольшой теневой группы «вешают» не меньше, чем массовый порыв, когда социально новое приходит в криминальной форме. Нам предстоит ревизия всей геокультуры Просвещения и многих христианских идей, особенно всего того, что касается антропосоциальности и биосоциальности. А для этого надо будет всерьез покопаться в античной философии и многом другом. Разумеется, это легче сказать, чем сделать, но другого выхода нет. Именно создание нового знания, в центре которого – Великий перелом XXI века, формирование «зловещего интеллектуального превосходства» (Карл Полаanyi) над противником, и есть передовая линия фронта в борьбе за выход из кризиса максимального числа людей в минимальные сроки, за более эгалитарный и справедливый мир, нежели капиталистический или какое-либо новое издание неорабовладения в виде глобофашистского кастового строя.

И естественно, за сохранение Русского Мира и русскости в постпереломном мире, поскольку, похоже, именно России готовят роль главного театра военных действий (экономическая, социальная и информационная войны). Надо ли в очередной раз таскать каштаны из огня для чужого дяди? Необходимо очень четко осознавать свои интересы в переломную эпоху и биться за них как за свою историческую правду, руководствуясь принципом «не верь, не бойся, не проси». В этом случае есть надежда, что мы пройдем кризис, в который погружается Мир Пирамид, пройдем – и другим поможем, тем, кто заслужил. И тогда произойдет так, как говорил крупнейший деятель нашей истории: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».